

могло в таком классическом эпическом выражении, как считали, лучше всего сохранить свою исконную фактуру, свои фольклорные и повествовательные элементы.

Чтобы наглядно показать — хотя и очень кратко — формально-технический подход отдельных югославских переводчиков «Слова» в течение прошедших 125 лет, мы приведем начальные строки плача Ярославны в переводах самых ранних югославских переводчиков — Й. Хаджича и П. Петровича-Негоша (размером народных песен — десяти- и двенадцатисложным).

Вот как переводит эти строки первый югославский переводчик Йован Хаджич:

Ярославна плаче у Путивлю,
Рано плаче, бедемом нариче:
«О вѣтре, вѣтрило, зашто силно вѣшь?»
Зашто носиш стрѣле ты оне Хиновскс,
На твоѣм лагом крылцу на мог драгог войску?
Зарь е мало горе под облаке вѣяти,
Люляюћи ладе на синсму мору?
Зашто мое вселѣ по ковилю развѣя?».⁴

Это место приблизительно в то же время переводит и известный черногорский поэт П. Петрович-Негош (1813—1851), причем также десятисложным народным размером:

Ярославна:

Опет рано цвилн у Путивљу,
на високом окну без билоура,
встар зове и нему се моли:
«Нашто душеш, нашто лутс стрѣле
од крѣника на крилма своим
носиш против господара мога?
Зар ти мало да облаке крећеш
и високе врхове савијаш?
Зар ти мало што море узбуниш
и по њсму кораб лаки бачаш,
већ ми душу ковиљем развијаш?».⁵

Однако эти первые югославские переводы, в духе устаревшей славяно-сербской традиции, мало кого могли удовлетворить. Для лучшего знакомства со «Словом» нужен был точный прозаический перевод памятника, который соответствовал бы уровню развития поэтического языка, пережившего исторический подъем в результате деятельности В. Караджича. И действительно, эту потребность относительно быстро удовлетворили два югославских переводчика: на хорватско-сербской почве «иллирийский» писатель Огнеслав Утешенович-Острожинский и на словенской — известный лексикограф Макс Плетершник. Новым югославским прозаическим переводам пришлось встретиться со многими трудностями вследствие недостаточной разработанности тогдашнего литературного и особенно поэтического языка; однако прозаическая форма все-таки позволила более точно передать текст памятника. Вот как перевел Утешенович прозой цитированное выше место:

О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вијеш? Чему гониш хунске стрѣле на своѣм нетрудном крылцу на мојега драгога войска? Мало ли ти бијаше горе под облаци вијати, лелилајући корабе по сињем мору? Чему, господине, моје весеље на ковиљу развијаш?⁶

⁴ Дѣла Јована Хаджића, кн. II, стр. 233.

⁵ Целокупна дела Петра Петровића Његоша, кн. II, стр. 379.

⁶ Слово о пуку Игореву, Игоря сына Светославова, унука Ольгова. Превео Огнеслав Утешеновић-Острожински. Vila Ostrožinska, Већ, 1871, стр. 216—231. Как ра-